

Латинская Америка: вызовы посткризисного периода

19 апреля в 2011 г. в ИЛА РАН прошел «круглый стол» на тему: «Латинская Америка: уроки финансово-экономического кризиса, проблемы и вызовы посткризисного развития». В его работе приняли участие и специалисты Института экономики РАН и ИМЭМО РАН. В ходе дискуссий были затронуты вопросы о сущности и перспективах эволюции мирового финансово-экономического кризиса, его проявлениях в мире, Латинской и Карибской Америке (ЛКА) и других регионах, эффективности антикризисных мер, перспективах развития ЛКА.

Ключевые слова: многополярный мир, экономический кризис, антикризисная политика, модель развития, внешние условия.

Н.Н.ХОЛОДКОВ, д-р экон. наук, ИЛА РАН

Трансформационные аспекты кризиса

Параметры и причины кризиса

Мировой финансово-экономический кризис 2008—2009 гг. стал ключевой проблемой современного мирового хозяйства. Если рассматривать кризис с локальной точки зрения, как элемент цикла «рост — падение — рост», то он, похоже, преодолен. Однако порожденные им фундаментальные проблемы пока не разрешены, что во многом предопределяет неустойчивость посткризисного восстановления мировой экономики.

Высказываются различные мнения в отношении истоков мирового спада. Акценты различны: от видения таких категорий, как жадность и алчность, в качестве важной причины до выдвигения на первый план вопроса об истощении модели развития, сложившейся на протяжении последних десятилетий. В большинстве случаев кризис интерпретируется как сугубо финансовый, образовавшийся на рынке ипотечного кредитования США и по цепочке распространившийся на другие сегменты финансовой системы и на реальную экономику.

Глубина и масштабы происходящих в мировом хозяйстве турбулентных процессов свидетельствуют не просто об очередном циклическом спаде или сугубо финансовом кризисе. С нашей точки зрения причины кризиса возникли не в последние годы и не носят изначально финансового характера. Они связаны с фундаментальными тенденциями в эволюции глобальной экономики и итогами ее развития на протяжении нескольких десятилетий.

Истекший кризис можно идентифицировать как кризис современного этапа глобализации, проходившего под знаком либерализма и однополярного мира. Речь идет о завершении его экстенсивной стадии и усилении противоречий между императивами дальнейшей интернационализации хозяйственного механизма и формами ее реализации, сложившимися на протяжении последних десятилетий.

По качественным и количественным характеристикам и, прежде всего, по последствиям кризис приобрел параметры и контуры трансформационного характера: ускорилось формирование новых полюсов роста, и произошел перенос центра тяжести мирового экономического развития с Запада на Восток; влияние США в мировой экономике на фоне беспрецедентного развития Китая, Индии и ряда других крупных государств с формирующимся рынком ослабло; возник кризис мировой валютно-финансовой системы и усилилось требование по пересмотру роли доллара в качестве резервной валюты; крупные развивающиеся государства включились в «Группу 20»; доли голосов в МВФ и во Всемирном банке были пересмотрены в пользу развивающихся стран.

По существу события 2008—2009 гг. знаменуют собой начало нового цикла в мировом развитии. Кризис со всей остротой поставил вопрос о замене идеологических концепций XX в., оказал существенное влияние на формирование новой модели мирового порядка в его экономическом, идеологическом и геополитическом содержании.

Особенности кризиса в Латинской Америке

Глобальный спад производства стал серьезным испытанием для латиноамериканских стран: был прерван сравнительно динамичный цикл развития национальных экономик, снизилась инвестиционная активность, повысился уровень инфляционного давления. Под угрозой оказались социальные достижения последних лет. По сравнению с другими регионами развивающегося мира Латинская Америка испытала наиболее глубокое падение ВВП, внешней торговли, притока внешних ресурсов.

Вместе с тем сравнительный анализ основных системных и макроэкономических индикаторов показывает, что даже по внешним признакам истекший кризис заметно отличался от предшествующих периодов нестабильности. Во-первых, его возникновение не связано с наличием резких макроэкономических дисбалансов или ошибочной валютно-финансовой политики. Кризис 2008—2009 гг. представляется первым за последние десятилетия, когда для значительного числа стран ЛКА он был вызван не внутренними, а внешними причинами, источником потрясений при этом стали США и другие индустриальные центры. Во-вторых, его последствия оказались менее разрушительными в отличие от периода 1980—1990-х годов. В-третьих, по уровню падения производства ЛКА опережала развивающиеся государства в целом, особенно страны Азии, но выглядела заметно предпочтительнее по сравнению с индустриальными центрами, государствами Центральной и Восточной Европы или СНГ. Кроме того, в некоторых латиноамериканских странах сохранилась положительная динамика роста. Наконец, нельзя не отметить их сравнительно быстрый выход из рецессии.

На этот раз Латинская Америка продемонстрировала более высокий уровень устойчивости перед лицом негативного воздействия извне. Рецессия не переросла в системный кризис с его крайне высокими издержками. Спад в экономике не сопровождался массовой девальвацией национальных валют, банкротством финансовых учреждений и предприятий реального сектора, дефолтом по государственным и корпоративным обязательствам, всплеском инфляции и «бегством» капитала. Страны региона не стали генератором или источником дополнительной напряженности в мире. Более того, сравнительно быстрый выход ЛКА на положительную динамику роста стал одним из факторов посткризисного восстановления глобального рынка.

Проблемы и вызовы посткризисного развития

Воздействие глобального кризиса по большей части осталось в прошлом, и регион обладает потенциалом, чтобы увеличить долю в мировом производстве, которая в последние десятилетия стабильно держалась на отметке примерно 8—9%. В 2010 г. объем прироста ВВП ЛКА увеличился примерно на 6%. По прогнозам, в ближайшие годы он составит примерно 4—5%.

Под влиянием возросшей неустойчивости мировой экономики в ЛКА ускорился процесс переосмысления традиционных и выработки новых концептуальных основ макроэкономической политики. Одни из них проявляются в форме тенденций, другие уже перешли из стадии теоретических разработок и дискуссий в практическую плоскость. Курс на совершенствование докризисной модели свидетельствуют о том, что страны ЛКА, их региональные и субрегиональные организации пытаются скорректировать макроэкономическую политику с учетом уроков истекшего кризиса и новой обстановки, складывающейся на мировом пространстве.

В посткризисный период на первый план выходит задача более полного задействования внутренних факторов и их превращения в один из ключевых элементов динамичного и устойчивого развития. С учетом волатильности и неподконтрольности мировых товарных и фондовых рынков выдвигается задача корректировки экспортноориентированной модели и перехода на более сбалансированный ее вариант за счет расширения внутреннего потребления. Это не означает отказа от дальнейшего включения в процесс глобализации и использования выгод открытой экономики. Однако для многих стран региона мировой спад в очередной раз продемонстрировал проблематичность, а в ряде случаев и несостоятельность гипертрофированной ориентации на экспорт, объемы которого подвержены резким конъюнктурным перепадам.

С учетом уроков кризиса ставится вопрос о пересмотре одного из центральных постулатов «Вашингтонского консенсуса» о невмешательстве в деятельность рынка. Речь идет не о возврате к практике 1960—1970-х годов, а о необходимости более сбалансированного сочетания преимуществ государства и рынка. В рамках нового подхода практически исключается точка зрения о безальтернативности идеологии рынка без границ. В противовес ортодоксальным нелиберальным концепциям выдвигается тезис, что формула быстрого роста заключается в использовании комплекса рыночных стимулов и активного государственного вмешательства. С точки

зрения экспертов ЭКЛАК недавний кризис и его последствия подтвердили необходимость повышения роли государства как регулятора экономической политики, инструмента сглаживания провалов рынка и порождаемых им дисбалансов. В более широком плане ставится вопрос о выстраивании модели развития, основанной на новом балансе между рынком, государством и гражданским обществом.

Можно полагать, что императивы посткризисного развития стран ЛКА вызовут новый тур реформ, нацеленных не только на стабилизацию, но и на ускорение социально-экономического прогресса. Правительства государств Латинской Америки уже сейчас предпринимают определенные шаги по многим направлениям, включая меры по укреплению основ денежно-кредитной и налогово-бюджетной политики, усилению внутреннего спроса и углублению торговых и финансовых связей с другими регионами. Намечаются сдвиги в стратегии выхода на более высокий уровень региональной интеграции с упором на «открытый регионализм».

Важно подчеркнуть, что пересмотр и корректировка ряда концептуальных направлений экономической стратегии сочетаются с формированием более независимой политики на международной арене. Латинская Америка постепенно превращается в блок стран с самостоятельными интересами и собственным видением дальнейших путей развития международных отношений. Продвижение по пути многовекторной дипломатии на фоне ослабления американской доминанты ускорилось под влиянием кризиса.

Вместе с тем в нынешних условиях пока, видимо, преждевременно говорить о наличии безоблачных перспектив развития ЛКА. Несмотря на повышательную динамику, в Латинской Америке неизменно наблюдается замедленный рост по сравнению с другими развивающимися регионами. Кроме того, сравнительно уверенный выход из рецессии еще никоим образом не свидетельствует о приобретении иммунитета к воздействию внешних шоков в будущем, особенно с учетом нестабильной экономической ситуации в мире.

В долгосрочной перспективе перед Латинской Америкой по-прежнему стоит задача более полного задействования внутреннего потенциала роста. Выход на устойчивый путь социально-экономического прогресса потребует не только сравнительно длительного периода, но и четкой, а главное эффективной ориентации правящих элит на решение стоящих проблем. Кризис 2008—2009 гг. продемонстрировал необходимость совершенствования экономической модели. Сохранение прежних подходов в силу инерционности мышления или тактических политических соображений неизбежно будет сопряжено с дополнительными трудностями.

А.В.БОБРОВНИКОВ, д-р экон. наук, ИЛА РАН

Экстраординарный кризис требует нестандартных решений

Прежде всего обращает на себя внимание масштаб **нынешнего кризиса**, который в 2009 г. охватил почти 80% мировой экономики, а число затронутых им стран достигло 87. Ничего подобного не наблюдалось со времен «великой депрессии». Причем взрыв очередного финансового пузыря ипотеки тяжело ударил по национальным экономикам. Развитие в долг стало характерной чертой

всех развитых стран. Отношение их госдолга к ВВП на 20 процентных пунктов превысило показатель начала 1930-х годов, приблизившись к 100%. И происходило это на фоне резкого сокращения доходов госбюджетов, очень высоких затрат на поддержание финансового сектора.

Текущий кризис не совсем обычен, он *экстраординарен сразу в трех смыслах*. Во-первых, он не вписывается в траекторию ординарного бизнес-цикла, на что мы уже обращали внимание около десятилетия назад при изучении «азиатского кризиса»*. Подтверждение дало недавнее обстоятельное исследование экспертов МВФ, которые проанализировали около 500 характерных колебаний на финансовых рынках для периода 1960—2007 гг. Флуктуации на кредитном рынке и, особенно, колебания курсов ценных бумаг происходили заметно чаще, чем в реальной экономике. Эффект «финансового коллапса», возникающий при совпадении кризисных фаз биржевых циклов и циклов на рынках кредитов и ценных бумаг, усиливает амплитуду финансовых колебаний и раскручивает деструктивные процессы. При этом *финансовые кризисы* продолжают выполнять традиционную роль пускового механизма, своего рода «запала» для *кризисов торгово-промышленных*.

Во-вторых, масштабы потрясений заставили говорить не только о «глобальном», но, возможно, и «системном» характере кризиса. Кризис опосредует действие механизма «созидательного разрушения», описанного известным австрийским экономистом Йозефом Шумпетером. Но по мере развития сферы международных финансов в глобальном измерении *созидательный компонент становится слабее, а разрушительный — сильнее*. Кризисы последних 40 лет обрели новое качество. Модель глобального разделения труда распространилась и на сферу финансовых услуг. Поскольку цепочка финансовых операций, разнесенных по разным странам, страхуеться на каждой стадии, повышается склонность кредиторов к рискованным операциям. Особенностью последних четырех кризисов стали мощные удары по хозяйству целых регионов (что давало им название — латиноамериканский, постсоциалистический, азиатский, а теперь — и арабский). Налицо кризис модели глобализации, считают эксперты ЭКЛАК, при которой экономика финансов становится все более дерегулированной, независимой и крайне «самонадежной» по сравнению с экономикой реальной. Резко повышается уровень волатильности сферы финансов, усиливается глобальная концентрация доходов и богатства. Данная проблема касается уже не отдельных государств, а всего международного сообщества.

В-третьих, необычным в последнем кризисе стало и поведение экономики нарождающихся рынков, куда прежде обычно «сбрасывался» кризис из мировых центров. В чем причина? В переходную эпоху более устойчивы те национальные экономики, которые дальше продвинулись к обновленной модели развития. Многообразные финансовые услуги с сильно выраженной «виртуальностью» — это «ранний» компонент формирующейся сетевой экономики. В информационно-сервисном обществе неизбежно возрастает и роль транспортных, социальных и коммунальных услуг, кото-

---

* См. В.М.Давыдов, А.В.Бобровников, В.А.Теперман. Феномен финансовой глобализации. Универсальные процессы и реакция латиноамериканских стран. М., ИЛА РАН, 2000.

рые завязаны на реальную экономику и внутренний рынок, в частности в ЛКА. А спрос на нем в последнее десятилетие расширился и под влиянием социальных программ, причем не только в странах «левого дрейфа» (но и в Перу). Социальные программы становятся значимой величиной в экономике латиноамериканских государств, их доля в общей структуре госрасходов в среднем по региону поднялась до 65%. Конечно это не единственный, но важный фактор повышения устойчивости нарождающихся рынков ЛКА. Во всяком случае с меньшими потерями кризис преодолели государства, сумевшие за десятилетие найти более органичный баланс между инновационными программами и развитием социальных услуг — здравоохранения, образования, жилищного строительства (Бразилия, Аргентина, Уругвай). Мощнее удар кризиса оказался в странах с открытой экономикой, ориентированных на традиционную модель сборочных «макиладорас» и сектор туристических услуг (Мексика, Карибы).

Аналогом современной глобальной ситуации является период «просперити» в экономике США конца 20-х годов, их главный компонент — «финансовая рулетка». На международных рынках вращаются финансовые инструменты, о которых спекулянты начала прошлого века и не мечтали. Рынок деривативов в 2000—2008 гг. вырос в 7 раз до 683 трлн долл. Это что-то порядка ВВП всего мира за 11—12 лет. Причем налицо очевидный перегрев: в 2009—2010 гг. операции во всех сегментах рынка деривативов впервые синхронно сократились в среднем на 14%. Если не остановить «рулетку», то очередной кризис, как «торнадо», может просто разнести финансовую систему.

В новых условиях международному сообществу на глобальном уровне предстоит решить задачу, которую в 1930-е годы для США решили Дж.М.Кейнс и президент Ф.Д.Рузвельт. Впрочем есть трудность, о которой сказал американский экономист, нобелевский лауреат Джозеф Стиглиц: «У нас существует консенсус в отношении многих элементов использованной антициклической политики, но нет хороших моделей и теории функционирования самих кредитных рынков». А без этого эффективный механизм международного регулирования не создашь.

Рецептов реорганизации мировой финансовой системы много. Пока, как справедливо заметил в своей работе В.М.Давыдов, практические результаты многочисленных совещаний «большой двадцатки» (G-20) свелись скорее к принятию деклараций о намерениях. Руководители международных финансовых организаций мыслят реформы как обновленный вариант бреттон-вудских или ямайских соглашений, но этого в современной ситуации может оказаться уже недостаточно. Сложность стоящих перед ними задач может потребовать привлечения институциональных ресурсов других международных организаций, в частности ООН. Интересно в этом плане предложение руководства ЭКЛАК передать контрольные функции над международной финансовой сферой ЭКОСОС — Экономическому и социальному совету ООН, повысив его статус до уровня Совета Безопасности. На этот «совет экономической безопасности» можно завязать работу МВФ, Всемирного банка и ВТО. Привлекательным данный проект делает его естественность без необходимости формирования дополнительной международной структуры, а формальных трудностей на пути его реализации много меньше, чем при создании, скажем, «мирового экономического правительства».

Но одними контрольно-запретительными мерами остановить рост спекулятивного сегмента не удастся. Нужно одновременно предложить бизнесу достаточно выгодную сферу для новых и, главное, масштабных вложений. Сейчас многие говорят, что именно такой сферой становятся обширные рынки BRICS и других восходящих стран, которые развиваются не просто динамично. Они становятся более устойчивыми к кризисным импульсам с мировых рынков, а потому привлекательными для капитала развитых стран.

Л.З.ЗЕВИН, д-р экон. наук, проф., Институт экономики РАН

В каком мире мы будем жить и как с ним взаимодействовать?

Первый глобальный финансово-экономический кризис третьего тысячелетия оживил дискуссии по этим двум направлениям. Можно констатировать достижения определенного консенсуса о закате просуществовавшего около двух десятилетий однополярного мира, но каким будет мироустройство после его крушения, ясности нет.

Как и ожидалось, в силу инерционности крупномасштабных общественных процессов сразу же была предпринята попытка создать иную конструкцию биполярности, заменив прекративший существовать Советский Союз новым претендентом на сверхдержавность — Китаем. Однако уже первые «зондажи» показали, что последнего не устраивает роль хотя и «ответственного акционера» в определении мировой политики, но верного союзника Запада, готового отказаться от своих стратегических приоритетов в пользу вестернизированного глобального модернизационного проекта. Несмотря на неудачу данной попытки, у идеи биполярности по-прежнему есть сторонники. Американский философ Д.Кенн в работе «Однополярная и многополярная модели мироустройства не работают» пишет: «Пусть США и Европа (и Япония) создадут один полюс, а Китай, Индия и Бразилия — другой, и пусть они конкурируют». По его мнению, подобная конкуренция предпочтительнее, чем полная рисков система «США — Китай». В 2008 г. группа неоконсерваторов США призывала к созданию «лиги демократий» для противодействия «китайской и российской автократии». К биполярной конструкции обращаются и современные евразийцы, считающие, что долгосрочной задачей России является создание евразийского стратегического блока «в качестве противовеса атлантическим и мондиалистским тенденциям в глобальном масштабе». По их мнению, в весьма отдаленной перспективе возникнут условия «и для создания свободного и справедливого **многополярного** мира».

Наибольшую поддержку получают различные варианты многополярности. Современное понимание многополярного мира включает не только систему межгосударственных отношений, но и взаимодействие в рамках регионов и между регионами; обогатилось и его содержание — окружающая среда, социальные вопросы, особенно борьба с бедностью и неравенством, противодействие международному терроризму и наркотрафику, другие глобальные вызовы. Огромная роль в утверждении принципов многополярного мира принадлежит России и Китаю: их потенциал, статус постоянных членов Совета Безопасности, участие в Шанхайской организации сотрудничества, Группе-20 и других глобальных институтах служат гаран-

тами развития и стабильности движения в данном направлении, поддержания в нем динамического баланса интересов многочисленных участников.

Главной проблемой многополярности является быстрое увеличение числа полюсов силы различного формата как на глобальном, так и на региональном уровне. Какой будет финальная конструкция, сейчас вряд ли возможно определить, поскольку процесс стартовал лишь недавно.

По нашему мнению, наиболее вероятно формирование «гибридной конструкции», в которой гравитационный эффект нескольких очень крупных структур (регионов, интеграционных объединений, международных альянсов) приведет к началу создания новых центров экономической, политической и военной мощи. Одновременно внутри этой конструкции возникнут стержни (линии) биполярности, такие, как «Север — Юг», «Либеральная экономика — государственный капитализм», «Евро-Атлантика — Азиатско-Тихоокеанский регион», «Экспорториентированные страны — страны с преимущественной ориентацией на внутренний рынок». В дальнейшем биполярность интересов может проявиться в вопросах взаимодействия с окружающей средой, применения ядерной энергии в мирных целях. Создается впечатление, что «гибридная конструкция» мироустройства может сформировать механизмы согласования интересов новых полюсов и центров мощи и регулирования их взаимоотношений на минимально конфликтном уровне.

Перекраивание силовых полей в глобальном мире сразу же вызвало ответную волну — активизацию региональных движений. Перед регионами встала задача позиционирования в изменившейся системе международных отношений.

Особую сложность представляет поиск оптимальной модели включения в глобальные процессы небольших и средних по размерам и уровню развития субрегиональных структур и стран. Такие образования не обладают достаточными ресурсами и условиями для организации процесса воспроизводства на собственной основе. Тесные, всесторонние связи с внешним миром становятся для них важнейшим условием успешного развития и решения социальных задач. По сути дела, им необходимо **адаптироваться** к глобальным процессам, интегрироваться в мировую хозяйственную систему.

Иными возможностями обладают крупные по размерам и численности населения государства (Китай и Индия) с масштабной экономикой, а также интеграционные объединения. Им также надо встраиваться в глобальные процессы и мировое хозяйство, но масштабы и место в мире этих стран таковы, что адаптация оказывает заметное влияние на глобальные тренды. В данной ситуации правильнее говорить о **взаимодействии** с глобальными процессами.

Преимущество второй модели лежит в основе активизации региональных процессов во всех сферах жизни. В экономике это проявляется в формировании многочисленных региональных и субрегиональных интеграционных объединений. Представляется, что в обозримой перспективе региональная составляющая в связке «глобализм — регионализм» усилится, в том числе и под влиянием идущей перестройки мирового порядка.

Влияние КНР на перспективы эволюции мировой и латиноамериканской экономики

На мой взгляд, мировая экономика смогла сравнительно быстро преодолеть финансово-экономический кризис во многом благодаря быстрому развитию Китая. Однако китайская модернизация одновременно и усугубляет те структурные диспропорции, которые сложились в мировой экономике и способствовали возникновению кризиса. В частности, она тормозит постиндустриальные сдвиги в развитых странах Запада, избавляя от необходимости многих инноваций как в собственно индустрии, так и в сфере социальных технологий, включая управление и организацию производства. Ведь пока идет поток относительно дешевых, а нередко и качественных товаров из Китая, бизнесу незачем беспокоиться об инновациях — во всяком случае в такой степени, в какой он был бы озабочен ими, не будь этого потока.

Китайская модернизация существенно помогла Западу решить свои социально-экономические, технологические и экологические проблемы в том виде, в каком они существовали в 1970—1980-х годах, хотя на самом деле это было паллиативное решение. Китайская модернизация способствовала и формированию нынешней социально-экономической структуры западных обществ. Прежний промышленный рабочий класс составляет в них всего от 9 до 20% всех занятых, выделился новый верхний средний класс, связанный с развитием высоких технологий, науки и соответствующего бизнеса, и есть огромная масса людей, занятых на низкооплачиваемых работах в сфере обслуживания, в конторах и на предприятиях. В Испании их называют «*mileuristas*», т.е. получающие 1 тыс. или около того евро в месяц, т.е. зарплату, на которую прожить весьма непросто. Недаром еще в 80-е годы стали появляться статьи о «бразилизации» США и других западных стран — о складывании в самих западных государствах внутренней центропериферической структуры экономики и общества, характерной для тогдашней Бразилии. (Примечательно, что в самой Бразилии за последние 15 лет предпринимаются небезуспешные попытки уйти от этого дуализма.) Очевидно, что такая структура не способствует преодолению кризиса. В этих условиях все кейнсианские попытки стимулировать платежеспособный спрос в большой степени оборачиваются тем, что люди, особенно с низким достатком, покупают больше импортных китайских товаров и таким образом поддерживают китайскую экономику. В долгосрочной перспективе, тем самым, фактически воспроизводится и та структура мировой экономики, которая способствовала возникновению недавнего кризиса. И, по моему мнению, корни кризиса лежат не столько в финансовой сфере (хотя и в ней тоже), сколько именно в этой структуре, а она, конечно же, в обозримом будущем не изменится.

Как известно, еще в конце 1980-х и особенно в 1990-е годы в Латинской Америке возникла мода противопоставлять латиноамериканским странам восточноазиатских «тигров» как удачливых, «счастливых» — неудачникам, «несчастливым». До сих пор эта мода не прошла, хотя после азиатского кризиса 1997—1998 гг. пережила спад. Последний же кризис усугубил проблемы новых индустриальных стран Восточной и Юго-Вос-

точной Азии, возникшие в результате того кризиса. В частности, усилилась зависимость этих государств от Китая. Причем последний экспортирует в эти страны в основном готовые промышленные изделия, а импортирует сырье и полуфабрикаты. В особенности это касается так называемых «тигров» второго поколения — Малайзии, Таиланда и Индонезии. Фактически происходит известная периферизация этих государств по отношению к Китаю, ухудшается структура их внешнеэкономических связей с последним. Более того, значимость добывающих отраслей для экономики и финансов этих стран возрастает. Так, прямые налоговые поступления от нефтяной компании «Petronas» в малайзийский бюджет увеличились с 11% всех поступлений в 1994 г. до 30% в 2008 г. При этом расходы государства на цели развития сократились с 10% ВВП в 2003 г. до 5% в 2008-м.

Одновременно ощущается слабость научно-технической базы у второго поколения «тигров». Это проявляется не столько в замедлившись темпах роста новых индустриальных стран (НИС) — ясно, что они уже не будут удивлять мир своими «тигриными прыжками», как было на протяжении 1970—1990-х годов, — сколько в отсутствии существенных качественных сдвигов в структуре экономики. Мультимедийный суперкоридор, любимое творение бывшего премьер-министра Малайзии Махатхира Мохаммада (1981—2003 гг.), так и не стал кузницей научных и высокотехнологичных разработок мирового уровня, как задумывалось первоначально. Скорее, он является площадкой для научного, высокоинтеллектуального аутсорсинга.

Таким образом, противопоставление НИС Азии латиноамериканским государствам как удачливых — неудачникам сегодня оказывается чрезмерным преувеличением. В частности, нельзя не отметить успехи, достигнутые некоторыми странами Латинской Америки, в первую очередь, конечно, Бразилией.

Иногда говорят, что будущее начинается в Бразилии. Видимо, стоит уточнить: будущее в Бразилии только еще начинается. Сейчас в ее экономике стали сказываться результаты тех социальных программ, которые осуществлялись в годы президентства Фернандо Энрике Кардозо: ведь эффект от вложений в образование проявляется с лагом в 8—10—12 лет. Так, в 1994—1999 гг. вклад общей производительности (total factor productivity), который зависит от новых технологий и знаний работников, в рост ВВП Бразилии, согласно оценкам Всемирного банка, составлял всего 10%. А в 2004—2008 гг. этот вклад составил уже 28,9%. Надо полагать, что результаты социальных программ Л.И.Лулы да Силвы проявятся в экономике уже в середине и второй половине нынешнего десятилетия и помогут Бразилии преодолеть следующий кризис. А ведь нужно учесть, что успехи были достигнуты ею при очень низкой доле накопления. Страна пока так и не вышла за пределы 20% ВВП по этому показателю, тогда как увеличение его до 22—25% было бы весьма желательно.

В то же время нужно отметить, что еще до кризиса стала усиливаться зависимость бразильской экономики от Китая, который превратился в главного торгового партнера латиноамериканского гиганта. Кризис усугубил эту зависимость, хотя спрос КНР на бразильскую железную руду и соевые бобы, безусловно, помог Бразилии быстро выйти из кризиса. При этом китайские «товарищи» действуют по отношению к бразильским партнерам ничуть не лучше, чем действовали в прошлом «господа импе-

риалисты», т.е. руководствуются исключительно своими интересами. И менять сложившуюся структуру мировой экономики они не собираются. Это означает, что тем самым сохраняются и все предпосылки для повторения кризиса, подобного тому, что был в 2008—2009 гг.

В.Л.СЕМЕНОВ, канд. экон. наук, ИЛА РАН

Политика экономической стабилизации в Латинской Америке: итоги и перспективы

Приоритет в выдвигании антициклической концепции, которая стала составной частью целесообразной экономической политики в мировой экономике, принадлежит ЭКЛАК. В настоящее время вопросы проведения антициклической политики ставятся на первый план учеными-экономистами, представителями ООН и международных финансовых организаций в связи с необходимостью преодоления последствий мирового финансово-экономического кризиса и противостояния новым внешним «шокам».

Директор департамента Западного полушария МВФ Николас Эйсагирре обратил внимание на необходимость наращивания усилий в трех ключевых направлениях. Первое из них заключается в исключении из практики моделей реализации правительственных расходов, способствующих усилению цикличности, т.е. неоправданно быстрого увеличения расходов или снижения налогов в периоды благоприятной конъюнктуры, что приводит к резкому сокращению затрат или росту налогов в периоды ухудшения внешнеэкономической ситуации. Второе направление предполагает повышение гибкости валютных курсов. Третье — это ужесточение регулирования и надзора в финансовом секторе. Суть адекватной бюджетной политики, таким образом, состоит в том, чтобы расходы росли вне зависимости от динамики доходов.

Немалый стабилизационный потенциал обеспечивается повышением гибкости валютных курсов. Это позволило в период кризиса, с одной стороны, избежать чрезмерного оттока капиталов, а с другой — расширить возможности применения и эффективность кредитно-денежной политики по снижению инфляции и повышению устойчивости ВВП.

Финансовое регулирование и надзор должны обеспечить и платежеспособность отдельных институтов, и системы в целом, чтобы предотвратить чрезмерно быстрый рост объемов кредитования в периоды благоприятной конъюнктуры и благодаря этому избежать кризиса платежеспособности впоследствии.

Значительный потенциал обеспечения развития региона в условиях неблагоприятных внешних воздействий кроется во внешней торговле, в том числе в ее переориентации на быстро растущие развивающиеся государства.

Действие двух, казалось бы, благоприятных для экономики Латинской Америки факторов — доступность внешнего финансирования и высокие цены на товары регионального экспорта — может привести к чрезмерному стимулированию кредита и внутреннего спроса. Чтобы отвести угрозу усиления цикличности и снижения конкурентоспособности в связи с укреплением валют, странам региона необходимо осуществить меры по ужесточению бюджетной

политики, регулированию притока капиталов и направлению избыточных ресурсов в стабилизационные фонды.

Государства ЛКА перенесли кризис с меньшими издержками по сравнению с развитыми странами и существенно лучше, чем предшествующие мировые экономические кризисы. Главными причинами этого было накопление антикризисного потенциала в течение ряда предшествующих успешных лет и проведение адекватной (за исключением небольшого числа стран) стабилизационной политики.

В большинстве крупнейших, а также в некоторых небольших странах ключевыми принципами экономической политики являются установление целевого показателя инфляции и регулирование роста цен посредством изменения курса национальной валюты и уровня учетной ставки (метод инфляционного таргетирования). Одно из очевидных достоинств этого метода — тесная координация кредитно-денежной, бюджетной и валютной политики. Центральные банки, осуществляя валютные интервенции, добивались снижения инфляции, что, в свою очередь, позволяло понизить учетные ставки и таким образом стимулировать экономический рост. С этой же целью центральные банки осуществляли меры по поддержке функционирования финансовой системы, наполнению ее ликвидностью.

Затем главная роль в стимулировании экономики перешла к бюджетной политике. Государственные банки увеличили кредитование частных компаний и населения, возросли государственные капиталовложения. Увеличилось налоговое стимулирование реального сектора. Преодолению кризиса способствовало использование рядом государств внебюджетных фондов. Предпринятые усилия привели к началу экономического оживления в большинстве стран региона в 2009—2010 гг.

Макроэкономическая политика некоторых других государств Латинской Америки была менее адекватной и менее успешной. Например, в Венесуэле снижение ВВП, начавшееся в 2009 г., продолжилось и в 2010 г. В тот период, когда большинство стран региона стремилось оживить экономику, наращивая бюджетные расходы и снижая налоги, венесуэльское правительство сократило расходы и увеличило НДС на 3%. В Мексике, хотя она и применяла метод таргетирования инфляции, падение ВВП было очень высоким (6,1%) в связи с большой зависимостью ее экспортных поступлений от состояния экономики США.

В 2010 г. наиболее успешные с точки зрения преодоления негативного влияния кризиса страны Латинской Америки начали постепенно сворачивать меры стимулирования экономической активности, опасаясь нового витка роста инфляции и других неблагоприятных последствий возможного «перегрева» их экономики. В настоящее время имеются признаки потенциального «перегрева» экономики в Бразилии, Чили, Колумбии, Перу и Уругвае. Например, рост кредитования в Бразилии и Колумбии в годовом исчислении составляет 10—12%. В данном случае представляются вполне уместными меры по ужесточению банковского надзора и контроля.

В Мексике эксперты МВФ пока не видят угрозы «перегрева». Но для этой страны характерна низкая налоговая нагрузка, которая стала устойчивой и в связи с этим может быть причислена к одному из структурных изъянов экономики. В 2008—2010 гг. налоговая нагрузка была самой низкой в Латинской Америке и Карибском бассейне, составив в среднем 9,2% от

ВВП, в то время как в регионе в целом ее средний показатель достиг в эти годы 17,9. В связи с этим правительство располагает весьма ограниченными возможностями для налогового стимулирования. В 2009 г. доходы правительства снизились на 6,5%, и оно практически отказалось от использования налоговых стимулов. Представляется, что меры по совершению налоговой системы позволили бы увеличить антикризисный и антициклический потенциал страны.

З.В.ИВАНОВСКИЙ, д-р полит. наук, проф., ИЛА РАН

Политические последствия экономического кризиса

В первом десятилетии нового века Латинская Америка вновь вступила в зону турбулентности и находится в поиске наиболее эффективных моделей экономического и социально-политического развития. Следование в предыдущие десятилетия неолиберальной модели имело весьма неоднозначные долгосрочные последствия. С одной стороны, это привело к повышению эффективности экономики, обеспечило вполне приличные показатели экономического роста и уровня инфляции, повысило реальные доходы населения, повсеместно сократился неформальный сектор экономики. С другой стороны, отрицательные последствия почти полного ухода государства из экономики повлекли за собой сохраняющийся высокий уровень бедности и нищеты, увеличение уровня социальной поляризации, в ряде случаев вызвали высокую безработицу, проблемы в сфере здравоохранения и образования.

В течение кризисных 2008—2009 гг. уровень бедности повысился на 1,1%, а нищеты — на 0,8%. Резко усилилась и социальная поляризация: по данным ЭКЛАК, максимально высокий индекс Джини наблюдался в Гаити (0,592), Колумбии (0,583), Гондурасе (0,572) и Боливии (0,572), минимальный — в Венесуэле (0,435), Уругвае (0,445) и Аргентине (0,458). При определении уровня бедности и социальной поляризации важно отметить, наряду со страновыми, региональные, гендерные и расовые различия. Стало очевидно, что в глобальном мире решение социальных проблем по-прежнему лежит на плечах национального государства, а не на транснациональных корпорациях. Вновь возникла проблема поиска компромисса между справедливостью и эффективностью (пользуясь традиционной терминологией, можно говорить о континууме левые — правые).

При анализе происходящих собственно политических процессов эту горизонтальную ось необходимо дополнить вертикальным континуумом по линии авторитаризм — демократия. Место на этой вертикальной оси определяется такими переменными, как электоральное законодательство и электоральная практика; передача реальной власти исключительно выборным субъектам политики; жесткий парламентский контроль над исполнительной властью; невозможность переизбрания главы государства больше чем на два срока подряд и использования административного ресурса; подлинно независимая судебная система; возможность прихода оппозиции к власти законным путем; гарантии прав оппозиции; развитое гражданское общество; свобода печати и доступа к альтернативным источникам информации; участие граждан в принятии политических решений; соблюдение прав и свобод челове-

ка; защита от произвола и вмешательства в личную жизнь не только со стороны государства, но и организованных антигосударственных сил и т.д.

Основные предложения корректировки социально-политической модели сводятся к призыву покончить с дихотомией и найти компромисс между ростом и распределением, производственной и финансовой сферой, рыночной стихией и участием государства.

Избирательный цикл середины десятилетия, завершившийся в декабре 2006 г., показал, что политический маятник в очередной раз качнулся влево. «Левый поворот», точнее, умеренный дрейф влево, связан как с внутривнутриполитическими, так и с внешнеполитическими факторами. После частичного решения макроэкономических проблем на первый план выдвинулись социальные приоритеты. Как показывает мировой опыт, именно левые и левоцентристские партии благодаря государственному регулированию добиваются большего успеха в обеспечении социальной защиты населения. Можно согласиться с представителем американского аналитического центра «Межамериканский диалог» Майклом Шифтером, который считает, что альтернативные леворадикальные кандидаты пришли к власти не потому, что Латинская Америка свернула влево или вправо, а в первую очередь из-за коллапса традиционных политических институтов и дискредитации их предшественников. Впоследствии они были переизбраны, потому что накопленное недовольство было крайне глубоким, привлекательные альтернативы не появлялись, а реализуемые программы имели хотя и скромные, но положительные результаты. Среди внешнеполитических факторов важно отметить снижение внимания со стороны США и сокращение американской помощи региону после 11 сентября 2001 г.

По итогам электорального цикла 2004—2006 гг. с определенной долей условности можно выделить три группы государств. Леворадикальная часть спектра представлена странами, выступающими за строительство различных вариантов «социализма XXI века» (Куба, Венесуэла, Боливия, Эквадор, Никарагуа). Для данных режимов характерны радикализация политики, стремление ограничить политический плюрализм, курс на этатизацию экономики, резкая антиамериканская риторика, в какой-то мере обострение отношений с соседними странами, однако первостепенное внимание уделяется решению наиболее острых социальных проблем.

Правоцентристская часть политического спектра была представлена оставшимися в меньшинстве Колумбией, Мексикой, Перу, выступавшими за сохранение в общих чертах неолиберальной модели, основанной на открытой экономике при тесном сотрудничестве с США и международными финансовыми организациями.

Идеология умеренных левоцентристских правительств в Аргентине, Бразилии, Парагвае, Сальвадоре и Уругвае включает элементы социального либерализма и социальной демократии, указанные страны проводят сбалансированную многовекторную и достаточно гибкую политику, направленную на защиту общенациональных интересов, активно развивают отношения с Соединенными Штатами, Евросоюзом и латиноамериканскими соседями. При этом не ставятся под сомнение принципы рыночной экономики и политической демократии, одновременно речь идет о повышении роли государства в регулировании экономики, усилении социальной защиты населения, снижении уровня бедности и социальной поляризации.

Новый цикл конца прошлого — начала нынешнего десятилетия привел к некоторой перегруппировке сил. Политический маятник вновь качнулся вправо: после выборов в Панаме, Чили и Гондурасе к власти пришли правоцентристские силы, особенно впечатляющей была победа Хуана Мануэля Сантоса, получившего максимальное за всю современную историю Колумбии количество голосов (69%). Очевидно, что в ближайшей перспективе леворадикальные режимы останутся у власти, однако им приходится сталкиваться с ростом оппозиционных настроений и усилением нестабильности.

Еще одна относительно новая тенденция — это эволюция правых и левых режимов в сторону центра. В качестве примера из числа первых можно привести позицию президента Сальвадора Маурисио Фунеса, который решительно выступает в защиту демократических ценностей, подвергает критике концепции «социализма XXI века» и стремление леворадикальных лидеров продлить сроки своих полномочий, называет США «великой мировой державой и образцом демократии, заслуживающей подражания». Правые и правоцентристские правительства усилили внимание к социальным проблемам, внимательно изучают положительный опыт Бразилии и других стран. Большие сдвиги произошли и в общественном мнении, все большее число граждан относит себя к центристам.

Известный американский исследователь японского происхождения Фрэнсис Фукуяма, сформулировавший в свое время нереализовавшуюся концепцию «конца истории», справедливо отметил, что современная Латинская Америка нуждается в сильных левоцентристских или правоцентристских партиях, способных добиться более широкого общественного согласия между богатыми и бедными. Правительства должны продвигать социальные программы, нацеленные на устойчивое развитие и решение проблем маргинальных слоев, одновременно создавая условия для экономического роста и усиления духа предпринимательства. Анализ политики латиноамериканских правительств и данных социологических опросов позволяет сохранять умеренный оптимизм: абсолютное большинство правительств выступает за сохранение политической демократии и рыночной экономики, такого же мнения придерживаются и потенциальные избиратели. При усилении социальной составляющей увеличатся шансы выхода из зоны турбулентности и консолидации демократических режимов.

И.К.ШЕРЕМЕТЬЕВ, д-р экон. наук, ИЛА РАН

Модель экологически ущербного развития

Глобальный финансово-экономический кризис, разразившийся на исходе нынешнего десятилетия, высветил многочисленные пороки и уязвимые стороны той модели развития, которая утвердилась в большинстве стран Латинской Америки в 90-е годы прошлого столетия, — в период увлечения неолиберализмом и погружения региона в водоворот глобализации. Как показали факты, эта модель, «преподнесенная» латиноамериканским странам небезызвестным «Вашингтонским консенсусом», не принесла им ни стабильного экономического роста, ни решения острых социальных проблем, ни устранения контрастов в распределении доходов и благ экономи-

ческого развития. Более того, в условиях углубления процесса глобализации она же превратила регион, образно говоря, в своего рода «дойную корову» — в объект интенсивной эксплуатации его природных ресурсов не только со стороны индустриально развитых государств, как это было прежде, но и со стороны стран, претендующих на роль новых «локомотивов» развития мировой экономики (Китай, некоторые другие государства Юго-Восточной Азии). Вследствие этого к нерешенным социально-экономическим проблемам здесь добавились новые — экологические: ускорившиеся процессы разрушения окружающей природной среды, возникновение множества неблагоприятных в экологическом отношении зон проживания населения и угроза их разрастания до национальных масштабов. На поверку сложившаяся в странах Латинской Америки модель развития оказалась в явном противоречии с принципами концепции устойчивого развития, разработанными и провозглашенными здесь же, в Латинской Америке саммитом 1992 г. в Рио-де-Жанейро.

Сохранение действующей модели участия латиноамериканских стран в глобальной экономике чревато для них риском закрепления за ними роли «дойной коровы» и впредь, в послекризисный период. О такой возможности говорится и в предварительном «Экономическом обзоре» ЭКЛАК за 2010 г. По оценке ее экспертов, внешнеэкономический контекст, в котором предстоит развиваться латиноамериканским странам в ближайшем обозримом будущем, не сулит им ничего хорошего. К такому неутешительному выводу подводит экспертов комиссии анализ конкретной ситуации, складывающейся в США, Евросоюзе и Китае, — главных торгово-экономических партнерах Латинской Америки.

В затяжном кризисном состоянии находится традиционный торговый партнер Латинской Америки — Евросоюз, «погрязший» в своих внутренних финансово-долговых проблемах. Выход из кризиса здесь происходит медленно, а следовательно и спрос на товары латиноамериканского экспорта со стороны западно-европейских государств остается вялым, ограниченным в объемах.

Противоречит интересам стран Латинской Америки и нынешняя экономическая политика ее крупнейшего контрагента — США. Запущенная здесь программа «накачки ликвидностью» подорванной кризисом кредитно-банковской системы, хотя и способствует выходу из экономической рецессии, одновременно приводит к образованию избыточного денежного капитала, нуждающегося в выгодном применении. Такой «летучий» капитал, как это неоднократно случалось в прошлом, широким потоком устремляется в Латинскую Америку с ее благоприятным инвестиционным климатом. Его наплыв вызывает двойной негативный эффект: с одной стороны, повышает степень уязвимости национальных экономик, с другой — приводит к завышению курса национальных валют к доллару, что стимулирует импорт товаров из-за рубежа, но неблагоприятно сказывается на экспорте, увеличивает дефицит торговых балансов.

Что касается Китая с его огромными потребностями в разнообразном сырье, энергоносителях и продовольствии, то его политика завышения курса юаня к доллару как средства стимулирования товарной экспансии вызывает обострение конкуренции на внутренних рынках латиноамериканских стран, создает трудности в наращивании их промышленного экспорта, подталкивает к вывозу продукции сырьевых отраслей. Все это дает осно-

вание авторам «Экономического обзора» ЭКЛАК за 2010 г. сделать вывод о том, что регион рискует в посткризисном периоде вернуться к своей традиционной роли производителя и поставщика природно-сырьевых товаров на мировые рынки, так и не стать независимым от внешних источников финансирования и остаться уязвимым по отношению к турбулентным колебаниям мировой экономической конъюнктуры.

Что же предлагают «эклакцы» латиноамериканским странам, чтобы избежать подобного рода рисков в будущем, какой стратегии развития они советуют придерживаться в условиях сложной и неблагоприятной внешнеэкономической обстановки? Рекомендации на этот счет сводятся к следующему.

Страны Латинской Америки должны больше средств инвестировать в производство конкурентоспособных товаров (*bienes comerciables*), увеличивать их долю в экспорте и, наоборот, сокращать производство товаров, не обладающих этим качеством (*bienes no comerciables*). Только таким путем, полагают специалисты ЭКЛАК, можно противостоять усиливающейся конкуренции на внутренних и внешних товарных рынках (рынках готовой продукции) и снизить зависимость от экспорта товаров сырьевой группы.

Необходимо увеличить роль внутренних источников финансирования инвестиций в производственную сферу. А для этого надо так построить деятельность финансовых и налоговых органов, чтобы она стимулировала рост внутренних сбережений и ограничивала приток иностранных спекулятивных инвестиций («летучих» капиталов), подрывающих устойчивость национальных экономик, неблагоприятно влияющих на курсы национальных валют.

Таким образом, есть основания полагать, что под влиянием уроков последнего глобального кризиса, обострившего и усложнившего решение и социальных, и экологических проблем Латинской Америки, здесь возрождаются идеи десаррольизма, осознается необходимость в существенной корректировке стратегии развития под углом зрения жизненных интересов самих латиноамериканских наций. Примечательно, что в регионе уже сформировался круг стран, порвавших с крайностями неолиберализма, во главу угла своей экономической политики поставивших государственный контроль над использованием природных ресурсов, осуществляющих структурные преобразования в интересах трудовых слоев общества и укрепления национальной независимости (Венесуэла, Боливия, Эквадор, Никарагуа).

Окончание следует